

Кто субъект истории?

Философия истории пытается реконструировать субъект истории силами человеческого мышления. Со времен Вольтера те, кто этим занимается, находятся в оппозиции друг к другу. С момента краха марксизма мы имеем другую ситуацию: философия истории в целом потеряла доверие. Мы знаем, что любая попытка реконструировать субъект истории, а тем более попытка его политически реализовать, ведет к большим страданиям и бедствиям в масштабах всего мирового сообщества. Выигравший сегодня проиграет завтра. Тот, кто вчера считался субъектом истории, в действительности не был таковым, поскольку он был лишь участником великой беспощадной гонки.

Дж. Ваттимо, один из ведущих представителей постмодернизма в Италии, говорит о «конце истории». Отныне вопрос о субъекте истории перестает быть необходимым, поскольку теперь он становится просто невозможным.

С. Булгаков осознал эту проблему еще до революции 1917 года, причем не только в философском, но также и в богословском, и в духовном ее измерениях. Христиане уже не могут говорить «Бог есть субъект истории», не учитывая серьезно человеческую свободу и ответственность за все творение. Но точно так же христиане не могут сказать: субъектом истории является человечество — Бог дал свои заповеди, установил естественный закон, и теперь мы сами играем роль Провидения. В этом состояла и до сих пор состоит ошибка современной идеологии прогресса. Между тем к вопросу «теодицеи» добавился еще более тревожный для нашего сознания вопрос «антроподицеи».

На мой взгляд, Булгаков предложил решение, которое в равной степени соответствует и современному опыту, и христианской вере. Он признает Бога субъектом истории, но не в его небесной замкнутости и недоступности, а в его «кенозисе», в его снисхождении к Своему творению в Иисусе Христе и в Святом Духе. Он также признает и человечество в качестве субъекта истории, но не в его земной изоляции, а при содействии благодати. Субъект истории образуется Богом и человеком в их свободном общении. Этот союз — не план Бога, возникший вслед за грехопадением человечества. Он содержится в Боге еще до творения. «Творение из ничего» подразумевает, что творение не является необходимой

---

*Халленслебен Барбара (Hallensleben Barbara) — профессор теологии
Университета города Фрибура (Швейцария).*

эманацией. Но «творение из ничего» не противостоит старому учению отцов, согласно которому Бог, творя мир, следовал заключенным в Его божественной природе вечным идеям.

Богочеловечество — основополагающая истина в Боге. Это обнаруживается в Иисусе Христе еще до творения и воплощения. Христос есть прототип человека в вечности: «Человек, будучи образом Божиим, богоподобен, а Бог, имея Свой образ в человеке, человекоподобен. Существует позитивное отношение между Богом и человеком, которое можно определить как Богочеловечество. Этот образ Божий в Самом Боге или Его святая Премудрость (София)» [1, р. 13]. Мы все, вся тварь, в вечности образуем тело Христово. Эта реальность станет очевидной в конце времени. Но она уже реализована в церкви и везде, где люди живут при содействии благодати Божией, независимо от того, знают они об этом или нет. Через Христа вся тварь образует субъект истории в Духе Святом. Эта реальность названа у Булгакова «Софией». Используя это слово или имя, он следует старой библейской, богословской и иконографической традиции как Востока, так и Запада.

Этот богословский взгляд не остается романтической медитацией. Булгаков находит софийный субъект истории реализованным главным образом в хозяйстве. Уже после того как я сформулировала свой тезис «София является субъектом истории в ее трансцендентном единстве», я обнаружила, что одна из глав знаменитой булгаковской работы «Философия хозяйства» называется «Трансцендентный субъект хозяйства».

Именно в этой главе Булгаков впервые объясняет свою центральную идею Софии. Выражение «трансцендентный субъект хозяйства» не очень сильно отличается от «трансцендентного субъекта истории», ибо Булгаков понимает хозяйство не как ограниченную часть в рамках более широкого контекста. Ведь и «Философию хозяйства» он рассматривал лишь как первую часть большой работы, которую он назвал «Мир в терминах экономической науки». Таким образом, Булгаков понимает хозяйство как явление, соразмерное с мировой историей.

Понятие Софии Булгаков выработал, изучая проблемы хозяйства. Позднее он продемонстрировал связь между хозяйством и христианской верой в явной форме. Замечательное резюме учения Булгакова я нашла в лекции «Социальное учение в современном русском православном богословии», прочитанной им 7 ноября 1934 года во время первой поездки в США и Канаду. Позволю себе привести самые важные, с моей точки зрения, отрывки, в которых Булгаков анализирует, как развивалось христианское социальное учение:

в ранней церкви мы находим, «скорее, социальный индифферентизм и отсутствие внимания к социальной структуре» [1, р. 5]. «Ранняя церковь обладала секретом свободы от мира и всех свойственных ему видов деятельности и практически игнорировала всю область хозяйственной и общественной жизни. В этом отношении она была эсхатологически пассивной, консервативной, квиетистской» [1, р. 6]. Бог был единственным субъектом истории;

— когда император Константин признал церковь, она, «в свою очередь, признала мир и его виды деятельности... она взяла на себя ответственность за мир» [1, р. 6]. Но «это призвание было сделано слишком поспешно, а перемена в мышлении оказалась слишком поверхностной» [1, р. 7]. Монашество стало «диалектической антитезой обмирщенному христианству той эпохи» [1, р. 7]. «Византия и Россия составляют особую эпоху в истории православной церкви, эпоху Константина Великого. Эта эпоха завершилась русской революцией, и мы сейчас находимся в начале новой эпохи» [1, р. 8]. Даже там, где социальная проблема все-таки была признана, она «оставалась индивидуалистической проблемой и рассматривалась в контексте личного спасения» [1, р. 7]. В качестве субъекта истории представлялась отдельная личность;

— теперь этого уже недостаточно: «Жизнь в наше время обобществляется все более и более. Догматическое положение о реальном единстве человечества в одном Адаме, старом и новом, получило в этой концепции обобществления неожиданное подтверждение» [1, р. 10]. «Эти проблемы социального человечества невозможно было вполне осознать в рамках индивидуалистической морали... Общественная жизнь стала языческой и уже сам по себе этот факт поставил перед христианской доктриной новый вопрос, напоминающий загадку Сфинкса: ответь мне, или я истреблю тебя» [1, р. 10];

— марксизм был оправдан как протест против индивидуалистической этики, которая не замечала в хозяйстве выражение «человечества как целого, как организма» [1, р. 11]. Не индивидуальная личность, но сообщество, социальное человечество являются субъектом истории. В таком взгляде есть доля истины. Но поскольку марксизм в качестве такого коллективного субъекта рассматривал особую, выделенную из мира группу (рабочий класс или социалистическое государство), трагедия была неизбежна. И, конечно же, вчерашние победители сегодня оказались проигравшими.

Булгаков также выступает против односторонне индивидуалистической социальной этики. Но его

протест значительно более радикален, поскольку он признает трансцендентное основание для субъекта истории, которое в то же время означает единство всей твари. Поэтому у него нет необходимости создавать новую исключительную идеологию, новых врагов, новые революции, новые мировые войны.

Церковь вскрывает софийную природу мира. Она является сакраментальным знаком для социального измерения человечества на его историческом пути. «Воплощение, так же как и пятидесятница, должны пониматься не только в свете искупления, как восстановление павшего человека и его спасение от первородного греха, но так же и как полное достижение цели творения» [1, р. 14]. Таким образом, мы можем сделать вывод: «В задачу Церкви входят не только личное спасение, но и преобразование мира, история человечества в целом, которая является и историей церкви» [1, р. 15].

Будучи сакраментальной реализацией Софии, Церковь становится субъектом истории. Потому она «получает социальное, историческое и даже космическое значение» [1, р. 15]. «Конец мира в этом смысле есть не только непостижимая воля Бога, которая не известна ни ангелам, ни даже Сыну Человеческому; этот конец должен быть подготовлен и достигнут человеческой историей» [1, р. 16]. Это не просто повторение религиозной интерпретации хозяйства. Булгаков признает независимость экономической жизни. Но отделение церкви от государства не должно означать ограничение веры уединением и индивидуальным спасением, с одной стороны, и полное подчинение жизни, особенно мирового рынка, язычеству — с другой.

Сегодня проблема хозяйства ставится даже более радикально. Мы не только должны осознать значимость хозяйства, но и нуждаемся в пророческом протесте против экономического абсолютизма. Постмодернистское отрицание какого-либо субъекта истории лишь маскирует факт незаметного возникновения нового субъекта истории. Этот субъект — экономика, мировой рынок, мировой сверхрынок. В обществе мировые религии подвергаются нападкам за утверждение абсолютности пути к спасению. При этом существует скрытая тенденция абсолютизации мирового рынка в качестве такого пути. Тезис «вне церкви нет спасения» подменяется лозунгами «вне торговли нет спасения» и «вне информационных средств нет спасения». Однако все большее число людей исключается из спасения, предлагаемого мировым рынком, т. е. исключается из возможности достичь благосостояния без всякой надежды и без всяких средств найти помощь. В этих условиях к христианству и другим мировым религиям относятся терпимо в той мере, в какой они представляют собой часть великого целого — мирового сверхрынка.

Видимо, марксизм уже попытался найти ответ на феномен всеобщего мирового рынка и его стремление к абсолютности. Возможно, К. Маркс хотел избежать жертв капиталистической системы. Но его постигла неудача, поскольку сконструированная им система не вышла за рамки материалистического понимания истории. Он остался в тисках диалектики победителей и проигравших в истории. Но вчерашние победители сегодня оказываются проигравшими.

Учение Булгакова о Софии имеет куда более глубокие корни. Оно становится пророческим протестом против абсолютизма экономики. Трансцендентный взгляд на мир как на творение Божие, на людей как на братьев и сестер Иисуса Христа, не позволяет забыть о жертвах мировой экономической системы. София не позволяет вышвырнуть бедного за рамки субъекта истории. По мнению богословов Латинской Америки, беднота является субъектом истории, поскольку бедные — любимые дети Бога, будучи в бедности едины с Его Сыном Иисусом Христом.

Булгаковское понятие Софии в любом случае способно объединить свободу с подлинным миром в сообществе. Если христиане и церкви не будут говорить об этом, они отдадут мир в руки тайных вождей религии мирового сверхрынка и оставят бедных в их безысходном состоянии. Булгаков уже обнажил эту фундаментальную проблему. В свой «Философии хозяйства» он называет ее экономизмом, экономическим материализмом.

В булгаковской философии хозяйства понятие София становится протестом против претензий экономики на абсолютность. София оказывается прежде всего понятием отрицательного, апофатического богословия. Это верно и для других аспектов учения Булгакова о Софии. Разумеется, я осознаю, что этот тезис абсолютно противоположен распространенной точке зрения. Для тех, кто смотрит преимущественно сквозь призму гностической традиции, София представляется фигурой мифической. А для тех, кто оспаривает проводимое св. Григорием Паламой различие между скрытой и непостижимой природой Бога и проявлением Его энергий, София представляется угрозой идее Божией непостижимости.

Однако у булгаковского богословия Софии, с моей точки зрения, иное основание. Он не проводит различия между полностью непостижимым миром Бога и вполне постижимым тварным миром. Если же такое различие проводить, то земной мир придется оставить экономистам и прочим ученым, но кому

тогда оставить Бога? Для Булгакова и других исследователей и почитателей Софии мир не является творением наподобие сложной машины, изобретенной и сохраняемой Богом. «Бог — не причина, не основание мира. Он — его создатель» — таково одно из самых замечательных высказываний Булгакова. Мир — это вариант свободного самовыражения Бога, а точнее, Его природы, первоначально реализованной в самой вечной Святой Троице (нетварная София), а затем уже — в конечном творении (тварная София).

Это означает не то, что Бог становится постижимым, а то, что мир, включая его экономическую структуру, участвует в непостижимости Бога. Мы можем и мы должны найти тайну Бога во всей твари. София — богословское и философское понятие, которое напоминает нам об этой тайне. Ни «Мировой дух» (Гегель), ни «бытие» (Хайдеггер), ни природа (естественные науки), ни история (Гадамер), ни язык — ничто из этого ряда, взятое в отдельности, не может быть названо субъектом истории. Но во всех этих субъектах София присутствует как свободный союз между Богом и человечеством и показывает свою творческую энергию. И мы приглашены участвовать в этой творческой работе.

Такое понимание Софии представляется мне действительно необходимой и продуктивной антитезой господствующему взгляду на жизнь, исходящему от естественных наук. Понятие Софии — это реальная платформа для диалога между богословием, философией и экономической наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bulgakov S. Social Teaching in Modern Russian Orthodox Theology. Evanston, 1934.*

© Б. Халленслебен, 1996